

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруяко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

К ЛОКАЛИЗАЦИИ КАНКИТА

В будущем, 2017 году исполняется 195 лет со дня первой публикации Г.К.Е. Кёлером одной из жемчужин корпуса ольвийской эпиграфики, важнейшего, чрезвычайно насыщенного и исключительного¹ по содержанию документа, «бесценной ольвийской хроники»² времени позднего эллинизма – декрета в честь ольвийского гражданина Протогена, сына Геросонта (IOSPE, I², № 32).

С момента находки, а затем обнаружения и по сегодняшний день эта надпись в силу своей уникальности вызывает не прекращающиеся дискуссии. Уникальность ее состоит в том, что она содержит важнейшие факты, касающиеся экономической, политической, дипломатической, военной деятельности Ольвии, ее государственного строя, функционирования органов ее управления, подает ценные данные о социальной структуре ольвийского общества, внутривойска жизни, внешней обстановке, сложившейся вокруг Ольвии, на зыбком пограничье ее хоры и сопредельного, постоянно движущегося и взрывоопасного варварского мира. «Особое внимание, – как отмечала Т.Н. Книпович, – привлекает отраженное в надписи трудное и напряженное положение, в котором оказалась Ольвия» в период близкий по времени изданию декрета в честь Протогена ольвийским Советом и народом³.

На протяжении почти двух столетий десятки исследователей приняли участие в последовательном и всестороннем изучении протогеновского декрета. Среди плеяды этих замечательных ученых стоит и незабвенный Петр Осипович КАРЫШКОВСКИЙ, который посвятил этому фундаментальному историческому источнику специальную полновесную, глубоко аргументированную работу⁴, а затем неоднократно обращался к нему во многих своих последующих трудах.

Целью данной заметки, которую я благодарно посвящаю памяти моего учителя, является попытка локализации одного топонима, упоминаемого в протогеновском декрете. Речь идет о Канките. Напомним это место из надписи.

Как известно, ее сторона А начинается с констатации факта о выделении Протогеном своему городу ссуды в размере 400 золотых для царя Сайтафарна (в виде, очевидно, даннических «даров») за оставление Ольвии в покое и его мирное «прохождение мимо» (τὰ δῶρα τῆς παρόδου) нее. Из текста декрета следует, что когда Сайтафарн явился в Канкит (εἰς Κάγκιτον), он обратился к властям

Ольвии с требованием выдачи «этих даров» (по В.М. Отрешко – «фиксированной годовой дани») ⁵, согласно установившимся к этому времени отношениям между племенной верхушкой саев и Ольвией ⁶.

Внизу этой же стороны А (строка 85) говорится уже о новом прибытии Сайтафарна в приольвийский регион, теперь уже с более конкретным указанием о том, что он прибыл «на ту сторону» (εἰς τό πέραν), т.е. на Левобережье Бугского лимана. Прибыл он «за дарами» в переводе В.В. Латышева ⁷ или «за получением [должного] почтения» по М.Ф. Болтенко ⁸, выражавшегося в поднесении царю помимо денежной суммы каких-то особо ценных подарков. Однако то ли эти дары не удовлетворили его, то ли ольвиополиты вовремя не запаслись ими ⁹, рассчитывая на этот раз откупиться только 900 золотыми, внесенными Протогеном в пустую городскую казну, однако из-за этого возникла острая и небезопасная ситуация. Сайтафарн обиделся, разгневался и, как говорится в декрете, «выступил в поход... вследствие чего народ, собравшись, пришел в ужас...» ¹⁰. На этом сторона А обрывается и мы не знаем, чем же закончился конфликт между Ольвией и Сайтафарном.

Таким образом, в строках 11-12 называется конкретный пункт прибытия вождя сайев на нижнебугское побережье – **Канкит**, а во втором упоминании – (εἰς τό πέραν) говорится о его приходе «на ту сторону» или «в Заречье», т.е. на противоположную от Ольвии сторону, что, очевидно, rozumeeт под собой Нижнебугское Левобережье.

В силу того, что самыми популярными в безбрежном море «протогеноведения» были, главным образом, следующие темы: 1) установление датировки декрета ¹¹; 2) решение проблемы «миксэллинов» ¹²; 3) поиски конкретно-исторического содержания термина «ойкеты» ¹³, – вопрос о Канките не вызвал сколь-либо оживленной дискуссии в науке и, очевидно поэтому, имеет не слишком обширную историографию.

А.С. Уваров в своем известном труде о причерноморских древностях помещал Канкит непосредственно напротив Ольвии, на левом берегу Бугского лимана ¹⁴, примерно там, где по современным данным находится поселение Лиманы-5 (бывшая «Кисляковка») ¹⁵. В отличие от него, Ф. Слюсаренко предполагал, что Канкит находился на правобережье лимана, в местности, расположенной где-то к северу от Ольвии ¹⁶. Ф.М. Штительман, приведя эти точки зрения в своей работе о поселениях Нижнего Побужья, воздержалась от конкретных выводов, указав лишь, что древний Канкит – «единственное поселение на побережье Бугского лимана, упоминаемое в декрете в честь Протогена», пока не поддается точно локализации ¹⁷.

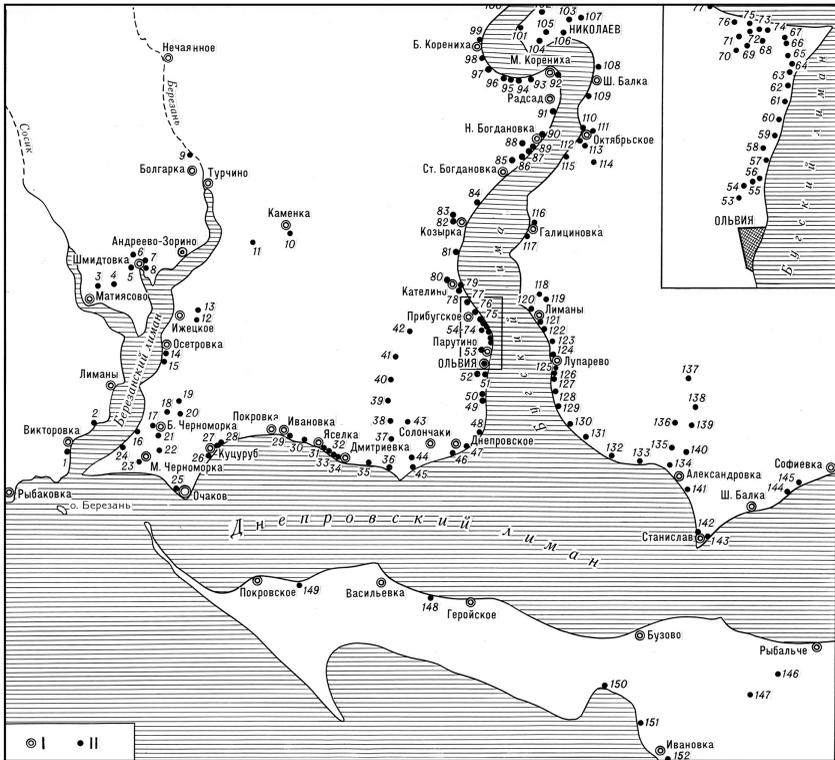

Рис. 1. Поселения ольвийской сельской округи классического и эллинистического времени. I – современные населенные пункты; II – античные населенные пункты
(по: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – К., 1990. – С. 45, рис. 9)

М.Ф. Болтенко в единственной в отечественной историографии работе, специально посвященной локализации Канкита, утверждал, что в словах декрета о Канките нет указания «на какой-либо ближайший к Ольвии конкретный пункт, расположенный на противоположном Ольвии берегу Буга». Поэтому он связывал его местонахождение не с районом Бугского лимана и Ольвии, а искал его далеко на северо-востоке – в районе р. Конки и отождествлял его с Каменским городищем на Днепре¹⁸. Эту сводку мнений (без своих вариантов локализации Канкита) подают в известном энциклопедическом труде Д.Д. Качарава и Г.Т. Квирквелия¹⁹. Они лишь несколько расширили историографию вопроса, внося в нее ссылку на Э. Миннза, который,

говоря о Канките, не связал его ни с каким конкретным пунктом Нижнего Побужья²⁰.

В монографии, посвященной политической истории Ольвийского полиса догетского времени, Ю.Г. Виноградов, несмотря на наличие специального раздела «Политико-географическая топонимия Ольвийского полиса»²¹, вопрос о Канките обошел молчанием. А.С. Русяева в статье, специально посвященной деятельности Протогена, ставит точку в попытках предшественников локализовать Канкит, утверждая, что где искать Канкит, в котором проездом останавливался Сайтафарн, требуя даров от ольвиополитов, абсолютно неизвестно²².

В этой связи следует отметить, что Ф.М. Штительман не была столь категорична в вопросе локализации Канкита, выразив надежду, «что дальнейшие археологические исследования помогут решить, какое из поселений Бугского лимана носило название Канкит»²³. С известной долей вероятности мы, очевидно, можем сейчас его назвать. Это, по нашему мнению, Глубокая Пристань или Софиевка-2.

Памятник расположен в 25 км (по прямой) к юго-востоку от Ольвии (рис.1, № 145) и в 2 км к северо-западу с. Софиевка Белозерского р-на Херсонской области в урочище «Глубокая Пристань» на очень высоком обрывистом плато правого берега Днепровского лимана. С востока и запада городище окружено глубокими древними балками, с напольной стороны, т.е. с севера – ровом и валом. Площадь поселения ок. 105.000 кв.м²⁴. Местонахождение это известно с середины – второй половины XIX в.²⁵, но планомерные раскопки памятника были осуществлены лишь в 1986–1992 гг.²⁶

В результате этих работ здесь была выявлена очень мощная крепостная система, состоявшая из двух оборонительных линий²⁷. Первая линия, напольная, включала в себя ров глубиной 3,5 м, глинобитный вал и остатки сырцово-каменной крепостной стены – двухпанцирной, трехслойной в вертикальном поперечном сечении, шириной 2,5 м. Вторая линия, обращенная к лиману, состояла из двух мощных цитаделей, защищенных рвами (глубиной 1,8 м) и сырцово-каменными стенами, шириной 2,2 м. Каждую цитадель увенчивала башня 5×5 м с той же толщиной стен, что и у куртин. Между цитаделями (что «запирало» подъем на городище со стороны берегового уреза) были исследованы остатки древней дороги, тщательно вымощенной камнем, что вела с берега лимана в центр городища.

На площади городища, в его восточной части, были открыты полуземлянки конца V – начала IV вв. до н.э., остатки наземных

сырцово-каменных жилищно-хозяйственных комплексов IV – начала II вв. до н.э., исследованы большие зольные алтари – эшары, очевидно, посвященные Аполлону²⁸. В западной части городища зафиксирована большая, незапятанная постройками площадка с остатками хозяйственных ям, отдельных групп камней и открытых очагов.

В ходе раскопок Глубокой Пристанни получен разнообразный вещественный материал, среди которого, прежде всего, следует выделить большое количество амфор, терракоты и граффити²⁹, ольвийские монеты³⁰, уникальный клык вепря с зооморфным изображением³¹ и др.³² В истории существования городища выделяются три основных хронологических периода: 1) конец V – первая треть IV вв. до н.э., к которому относится и устройство крепостных сооружений; 2) середина IV – первая треть III вв. до н.э. и 3) середина III – начало II вв. до н.э.

Памятник, очевидно, возник в ходе массовой реколонизации Нижнего Побужья на рубеже V-IV вв. до н.э.³³ В начальном периоде жизни здесь, как и на многих других поселениях региона, использовался полужемляночный тип жилищно-хозяйственных построек³⁴, позднее замененный наземными сырцово-каменными домами. В пользу локализации здесь Канкита могут свидетельствовать следующие соображения.

1. Расположение памятника. Глубокая Пристань располагается по «ту сторону» от Ольвии или «в Заречье», как сказано в протогеновском декрете. Это выражение, очевидно, следует понимать не просто как конкретный населенный пункт строго напротив Ольвии, как это делал А.С. Уваров, а скорее всего, как всю местность, охватывающую Левобережье Бугского лимана (от Сиверсового маяка до Станислава), и часть Правобережья Днепровского лимана (от Станислава до Глубокой Пристанни). Городище располагалось в стратегически выгодном месте – с одной стороны, относительно недалеко от Ольвии, с другой – в крайней восточной части ее хоры, близ устья Бугского лимана и рядом с гирлом Днепра, в непосредственной близости от варварских владений и, в первую очередь, от тех мест, где проживали сайи (возможно, потомки «царских скифов» Геродота) во главе с царем Сайтафарном³⁵.

2. Топография. Глубокая Пристань – наибольшее по площади (более 10 га) среди всех поселений сельской округи Ольвии классико-эллинистического времени и единственное среди них (помимо Ольвии), обладающее фортификационной системой, к тому же столь продуманной и мощной. Всем этим памятник отчетливо выделяется на

фоне других синхронных приольвийских поселений региона, прямо свидетельствуя о своей неординарности.

3. *Поселенческая структура.* Ее своеобразие состоит в наличии на городище двух структурных частей, которые мы условно называем *греческой* и *варварской*. В греческой (восточная половина памятника) открыты прямоугольные в плане полуземлянки 1 хронологического периода и наземные сырцово-каменные дома 2 и 3 строительных периодов. В культурном слое здесь отмечен наибольший на памятнике процент находок амфор и кружальной посуды. В варварской части (западная половина городища) зафиксированы лишь следы открытых очагов, неглубоких хозяйственных ямок и ям, обрывки однорядных кладок из необработанного бута и отдельные группы камней. В культурном слое этой части городища зафиксировано большое количество костей животных и отмечен наибольший (до 20%) показатель находок лепной посуды. В восточной части памятника четко прослеживаются следы правильной прямоугольной планировки поселения, в западной – планировка отсутствует и эта часть практически свободна от регулярной застройки. Очевидно, западная часть городища была намеренно оставлена незастроенной и предназначалась для размещения немалого количества людей и, вероятно, лошадей и скота.

4. *Этнокультурный облик.* В соответствии с прослеженной структурой памятник носит ярко выраженный греко-варварский либо, другими словами, эллино-скифский характер. Здесь найдено как уникальное граффити со словом ОΛΒΙΟΠΟΛΙΤ[ΚΟΝ]³⁶, представляющее собой одну из распространенных форм этникона ольвиополитов³⁷, так и кабаньих клык³⁸, украшенный изображением головы вепря, прямые аналогии которому известны лишь в варварских памятниках скифо-сибирского мира³⁹.

Выделяется своим своеобразием и отличается от средних показателей по хоре и состав керамического комплекса Глубокой Пристани. Если на других синхронных поселениях Нижнего Побужья амфоры составляют ок. 80%, гончарная керамика 12–15% (в т.ч. импортная 5–13%), а лепная не превышает 5–10%⁴⁰, то в керамическом комплексе Глубокой Пристани при 72–80% амфор доля лепной керамики достигает 16–20%, а кружальной всего 6–8%. В западной же части она составляет вообще 1–2%⁴¹.

Приведем еще один характерный факт. В засыпи зольного алтаря – эсхары помимо греческих граффити и обломков импортных греческих терракот встречены и примитивные антропоморфные фигурки⁴² характерные для варварских памятников Лесостепи, где

подобные статуэтки связываются с культом производительных сил природы⁴³.

5. *Хронология памятника*. Третий, заключительный этап жизни на городище Глубокая Пристань практически совпадает с датировкой декрета в честь Протогена, т.е. между серединой III и началом II вв. до н.э.⁴⁴ Как известно, большинство поселений ольвийской сельской округи во второй половине III в. до н.э. прекращают свое существование⁴⁵. Факт продолжения функционирования ольвийского мощно укрепленного населенного пункта близ устьев Днепра и Буга в это время лишней раз подтверждает важную роль Глубокой Пристани в политико-административной структуре Ольвийского государства в сложной обстановке охватившего его кризиса.

Как бы там ни было, Глубокая Пристань, без сомнения, имела неординарное значение как для Ольвии и ее хоры, так и для их пестрого варварского окружения. По всей вероятности, она могла нести несколько основных функций: 1) выполняла роль большого транзитного пункта в торговле с варварским миром (о чем говорит значительное количество амфорного материала в культурном слое восточной части городища), очевидно, служа и местом сезонных греко-варварских торжищ; 2) возможно, использовалась Сайтафарном и другими царями и царьками в качестве их временной резиденции «по случаю проезда» близ Ольвии, как сказано в протогеновском декрете. Для проведения торжищ и размещения царя с его многочисленной свитой, очевидно, и предназначалась большая свободная незастроенная западная часть городища; 3) была хорошо укрепленным пограничным и таможенным форпостом и восточной гаванью⁴⁶ Ольвийского полиса. Вероятно, именно здесь и проживали т. н. «пограничные миксэллины числом не менее 1500», о которых говорится в декрете в честь Протогена⁴⁷ и в которых Ю.Г. Виноградов видел «зависимое военно-земледельческое население типа клерухов, катэков или перизков, посаженное некогда для обработки ольвийской хоры и охраны границ полиса»⁴⁸. Возможно, помимо охраны восточной границы полисных владений и определенных таможенных функций, в обязанности миксэллинов входили и мероприятия по встрече и размещению варварских царей-визитеров, время от времени прибывавших в Глубокую Пристань, т.е. Канкит за получением дани и «даров» от Ольвии. Получая дары, сайи открытой враждебности к ольвиополитам не проявляли, а Сайтафарн, понимая экономические трудности полиса, вероятно, предоставлял Ольвии в выплате дани определенные отсрочки⁴⁹. Это обстоятельство заставляет предполагать, что он мог проживать в Канките достаточно длительное время, ожидая пока

ольвиополиты соберут всю причитающуюся ему дань. Следы этого пребывания варваров в Глубокой Пристани очевидно и следует видеть в характере культурного слоя и строительных остатков западной части городища.

В силу приведенных соображений мы не видим ни в ближней, ни в дальней округе Ольвии иного места, кроме описанного, с которым можно было бы связать Канкит. Суммируя вышесказанное, мы склонны считать, что городище Глубокая Пристань может гипотетично являться Канкитом ольвийского декрета в честь Протогена и, таким образом, локализуется на правом берегу Днепровского лимана.

¹ Книпович Т.Н. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. – 1966. - № 2. – С. 142.

² Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. – С. 181.

³ Книпович Т.Н. К вопросу..., С. 142.

⁴ Каришковський П.О. До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. – 1968. – Т. XXI. – С. 95-105.

⁵ Отрешко В.М. Протоген (размышления к проблеме) // Ольвийские древности. – К., 2009. – С. 134.

⁶ Болтенко М.Ф. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена // СА. – 1958. – XXVIII. – С. 107.

⁷ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. – СПб., 1887. – С. 90.

⁸ Болтенко М.Ф. Канкит..., С. 107.

⁹ Отрешко В.М. Протоген..., С. 134.

¹⁰ Латышев В.В. Исследования..., С. 90.

¹¹ См.: Книпович Т.Н. указ. соч.; Каришковський П.О. указ. соч.

¹² Шафранская Н.В. О миксэллинах // ВДИ. – 1956. - № 3. – С. 37-48.;

Снитко І.О. Мікселліни ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. – 2011. - № 3. – С. 22-30.

¹³ Марченко К.К. Ойкеты декрета в честь Протогена (ИРЕ, 1², 32) // Цхалтуба III – 1982. – Тбилиси, 1985. – С. 242-256.

¹⁴ Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. – Вып. 1. – СПб., 1851. – С. 47-48.

¹⁵ Крыжицкий С.Б., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья. – К., 1990. – С. 36-37, 66.

¹⁶ Слюсаренко Ф. Грецько-скитські взаємовідносини в II ст. до н.е. // Науковий збірник в честь Масарика. – Прага, 1925. – С. 281.

¹⁷ Штительман Ф.М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА.- 1956. - № 50. – С. 257.

¹⁸ Болтенко М.Ф. Канкит..., С. 107-109.

¹⁹ Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. – Тбилиси, 1991. – С. 120.

²⁰ Minns E.H. Scythians and Greeks. – Cambridge, 1912. – P. 461.

- ²¹ Виноградов Ю.Г. Политическая история..., С. 25-31.
- ²² Русяева А.С. Протоген Ольвійський // Археологія. – 1993. - № 2. – С. 18.
- ²³ Штителъман Ф.М. Поселения..., С. 258.
- ²⁴ Крыжицкий С.Д. и др. Античные поселения..., С. 70.
- ²⁵ Чирков А. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лиману // ЗООИД. – 1867. – Т. VI. – С. 546; Ястребов В.Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. – 1894. – Т. XVII. – С. 56, № 101.
- ²⁶ Буйских С.Б. Исследования на хоре Ольвии // АО 1986 г. – М., 1988. – С. 259; Буйских С.Б. Исследования в уроч. Глубокая Пристань // Проблемы скифо-сарматской археологии. – Запорожье, 1989. – С. 23-24.; Былкова В.П., Буйских С.Б. Раскопки Глубокой Пристані // АДУ 1991 р. – Луцьк, 1993. – С. 15-16; Буйських С.Б. С.Н. Братченко і Глибока Пристань // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2012. – С. 192-196.
- ²⁷ Buyskih S.B. Die Chora des Pontischen Olbia // BSS. – № 4. – 2006. – S. 115-119.
- ²⁸ Буйских С.Б. Эсхары Глубокой Пристані // КСОО. – 1993. – С. 80-82.
- ²⁹ Щеглов А.Н. Терракотовая статуэтка из поселения Глубокая Пристань // Терракоты Северного Причерноморья. – САИ. – 1970. – Вып. Г 1-11. – С. 56, рис. 38, 4; Буйских С.Б. Эсхары..., С. 81, рис. 19; Былкова В.П., Буйских С.Б. Раскопки..., С. 16; Буйских С.Б., Былкова В.П. К проблеме этнокультурной атрибуции Нижнеднепровских памятников V-III вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. – Запорожье. – 1994. – С. 32-33; Былкова В.П. Поселения на Нижнем Днепре в аспекте скифо-эллинических отношений // АВ. - № 7. – СПб., 2000. – С. 131, рис. 4, А4; Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху. – Херсон, 2007. – С. 219, рис. 66, 1; Буйских С.Б. Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI-I вв. до н.э. // БИ. – Вып. XI. – Симферополь-Керчь. - 2006. – С. 49-50; С. 42, рис. 3, 22.
- ³⁰ Буйских С.Б. Исследования на хоре Ольвии. – С. 259; Крыжицкий С.Д. и др. Античные поселения..., С. 72, рис. 13.
- ³¹ Буйских С.Б., Острроверхов А.С. Кабаний клык с зооморфным изображением из Глубокой Пристані // Проблемы скифо-сарматской археологии. – Запорожье, 1994. – С. 34-38.
- ³² Чехович А.Г. Ремесленные вотивы двух зольников Глубокой Пристані // Olbio. In memoriam V.V.Krapivina. – К., 2015. – С. 328-332.
- ³³ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. – К., 1989. – С. 99.
- ³⁴ Буйских С.Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // ССПК. – Т. XV. – Запоріжжя. – 2009. – С. 231.
- ³⁵ Крыжицкий С.Д. и др. Сельская округа Ольвии. – С. 99.
- ³⁶ Былкова В.П., Буйских С.Б. Указ соч. – С. 16; Былкова В.П. Поселения на Нижнем Днепре..., С. 131, рис. 4, А4; Былкова В.П. Нижнее Поднепровье..., С. 219, рис. 66.1; Буйских С.Б. Серая керамика..., С. 49-51.

- ³⁷ Каришковський П.О. Про державний устрій Ольвії // УІЖ. – 1973. - № 2. – С. 101; Зуд В.Л. Громадянська община ольвіополітів догетського часу // Археологія. – 1975. – Вип. XVI. – С. 37.
- ³⁸ Буйских С.Б., Острроверхов А.С. Кабаний клык..., С. 36, рис. 1.1.
- ³⁹ Чежина Е.Ф. Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. – 1991. – Вып. 31. – С. 30-42; Королюкова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. – СПб., 2006. – С. 122; Гуляев В.И. Мотив кабана в искусстве населения Среднего Дона в скифскую эпоху // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. в честь В.П.Копылова. – Ростов н/Д. – 2013. – С. 187.
- ⁴⁰ Крыжицкий С.Д. и др. Сельская округа Ольвии. – С. 127-128.
- ⁴¹ Былкова В.П., Буйских С.Б. Раскопки..., С. 16; Буйских С.Б., Былкова В.П. К проблеме..., С. 33.
- ⁴² Буйских С.Б. Эсхары..., С. 81, рис. 19.3.
- ⁴³ Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи. – К., 1987. – С. 128 сл.
- ⁴⁴ Каришковський П.О. До питання..., С. 104-105; Книпович Т.Н. К вопросу..., С. 149; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985. – С. 71; Виноградов Ю.Г. Политическая история..., С. 182, прим. 16; Отрешко В.М. З історії Ольвійського поліса в IV-I ст. до н.е. // Археологія., 1982. - № 41. – С. 40; Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV-III вв. до н.э. // ВДИ. – 1985. - № 1. – С. 43; Крижицкий С.Д., Крапивіна В.В., Лейпунська Н.О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. – 1994. - № 2. – С. 38; Снитко І.О. Мікселліни..., С. 26.
- ⁴⁵ Крыжицкий С.Д. и др. Сельская округа Ольвии. – С. 100-101.
- ⁴⁶ Практически рядом с Глубокой Пристанью (Софиевка-2) (рис.1, № 145), в котловине защищенной двумя высокими мысами, располагалось синхронное с нею поселение Софиевка-1 (рис.1. № 144). Очевидно, они составляли вместе единый крупный населенный пункт, размещенный, подобно Ольвии, на двух уровнях и в Софиевке-1 располагалась гавань Глубокой Пристани (см.: Иевлев М.М. Очерки палеоэкологии Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья. – К., 2014. – С. 215-216) а в Софиевке-2 его акрополь.
- ⁴⁷ Латышев В.В. Исследования..., С. 17 сл.; 69, 76, 97, 172; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1953. – С. 53; Шафранская Н.В. Указ. соч.; Снитко І.О. указ. соч.
- ⁴⁸ Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 183, прим. 18.
- ⁴⁹ Крыжицкий С.Д. и др. Сельская округа Ольвии. – С. 99.